

25. Стыкалин А.С. Что думали румыны об СССР в 1964 г. (Свидетельствует советский дипломат) // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е – 60-е гг. XX в. – М., 2011.
26. Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы российских архивов. – М., 2000.
27. Улунян Ар.А. 1968 год. Бухарест в ожидании советского вторжения (Дипломатия и оборона) // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура. – М., 2013.
28. Улунян Ар.А. Балканский «щит социализма». Оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середина 50-х гг. – 1980 г.). – М., 2013.
29. Улунян Ар.А. Кризис «коммунистического единства»: балканский аспект (середина 60-х – начало 70-х гг. XX в.) // Многосторонняя дипломатия в годы холодной войны. – М., 2008.
30. Улунян Ар.А. Румыния – 1978. Защищая «особый курс» // Европейские сравнительно-исторические исследования. – М., 2014. – Вып. 4: Восток на Западе, Запад на Востоке.

УДК 325.14(430)

Б. Г. Койбаев

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ ИММИГРАНТОВ В НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

В новейшей истории феномен иммиграции стал массовым. В немецкоязычном дискурсе появился вопрос о межкультурном взаимодействии иммигрантов и принимающего сообщества. В этом диалоге оказались задействованы общественные,

государственные, политические и религиозные институты.

Ключевые слова: иммиграция, межкультурное взаимодействие, немецкое общество, мультикультурализм, политические партии ФРГ.

B. G. Koybaev

THE PROBLEM OF IMMIGRANTS' ADAPTATION AND INTEGRATION INTO THE GERMAN SOCIETY IN THE SECOND HALF OF THE XX-TH CENTURY

In the contemporary history the immigration phenomenon has become massive. In the German discourse there appeared a question concerning the intercultural interaction of immigrants and the society accepting them. Social, governmental, political and re-

ligious institutions have got involved in that dialogue.

Key words: immigration, intercultural interaction, the German society, multiculturalism, political parties of the FRG (the Federal Republic of Germany).

Проблема культурной адаптации и интеграции иммигрантов в немецкое общество, начиная со второй половины XX в. стала объектом исследования социологов, политологов и историков. Исследователи пришли к мнению, что статистика распределения социальных позиций у иммигрантов имеет культурную и этническую природу, которая, с точки зрения историков, является чуждой немецкому обществу традицией. А по мнению социологов и политологов при-

чина общественной отчужденности скрывалась в недостатках социализации.

Так или иначе, тема иммиграции и культурной гармонии стала разрабатываться на государственном уровне. Проведение в жизнь методов культурной и социальной интеграции мигрантов стало областью задач профессиональных политиков и чиновников.

В связи с этим в лексикон немецких политологов, социологов и историков в рассматриваемый период прочно вошло по-

нятие мультикультурализм [5, s. 125–146]. Этот термин обобщает ряд социально-политических теорий в области культурного строительства, которые выступают за государственное признание и защиту культурных различий населения страны. Цель мультикультурализма – мультикультурное общество, где нет побуждения или принуждения к ассимиляции отличных общественных групп со стороны государства или же негосударственных институтов. Напротив, различные этнические и культурные группы должны существовать рядом друг с другом, не теряя своей идентичности. При этом такая модель общества основывается на предпосылке, что члены одних сообществ проявляют в отношении представителей других сообществ понимание, уважение, толерантность, а также признают взаимное равноправие. А возникающие в мультикультурном обществе конфликты следует минимизировать за счет соответствующего культурного воспитания и с помощью антидискриминационного законодательства.

История употребления самого термина в большой политике ФРГ восходит к 1989 году. Она связана с корректировкой курса СДПГ в отношении иммигрантов внутри страны. В обновленной партийной программе 1989 года (Берлинская программа) социал-демократы констатировали, что «страны Европы стали мультикультурными». И далее: «Культурное многообразие нас обогащает. Поэтому мы хотим делать всё, что способствует пониманию, уважению, и сотрудничеству между различными нациями и культурами, что делает возможным интеграцию и участие» [12, s. 24]. В этой связи СДПГ обещали наделить «иностранцев» правом голоса на коммунальных выборах и улучшить закон о пребывании иностранных граждан. Участие иммигрантов в избирательном процессе, по мнению авторов программы, вероятно, должно было привить им чувство общей гражданской ответственности.

Тут следует вспомнить, так называемый, «Меморандум Кюна», первого уполномоченного по делам иностранцев. Хайнц Кюн (член СДПГ) еще в 1979 году, вступив

на свой пост, предложил ввести избирательное право на коммунальных выборах, и сделать множество других прогрессивных для того времени шагов. Но, в 1970-х – начале 1980-х годах эти предложения расходились с мнением общественного большинства, и в этом смысле опережали свое время. Немцы не были готовы принять иммигрантов как непреложную в своем постоянном присутствии составную часть общества. Соответственно, политика партий ХДС/ХСС и СДПГ проводилась в духе этих чаяний.

Первой «белой вороной» в этом вопросе стала партия «Зеленых», образованная в 1980-м году. В первую партийную программу они ввели пункт «Против дискриминации иностранцев». Для «Зеленых», всегда считавшихся выразителями интересов меньшинств, «многие иностранные рабочие и члены их семей в ФРГ являлись важной и равноценной частью местного населения». Они требовали, чтобы «коллеги-иностранцы и их семьи по желанию наделялись всеми гражданскими правами нашего общества» [6, p. 29].

Следует в этой связи привести некоторые из конкретных программных требований:

1. Свободное политическое участие для всех демократических организаций иностранцев.
2. Никакой высылки или отказа для политически преследуемых иностранцев.
3. Запрет на любую деятельность фашистских и других террористических организаций.
4. «Зеленые» требуют избирательного права для иностранных сограждан в коммунальной сфере с начала их пребывания. На земельном и федеральном уровне следует признавать избирательное право (активное и пассивное) после пяти лет пребывания в ФРГ.
5. Дискриминация детей иностранцев в немецких школах, ввиду различных факторов, таких как, языковые трудности, должна быть, наконец, прекращена.
6. Дети-иностранцы должны дополнительно получать уроки на их родном языке.

7. Детям иностранцев должна предоставляться правовая возможность для приобретения немецкого гражданства [6, s. 29].

Можно сказать, что «Зеленые» были «первыми ласточками» мультикультурализма. Их курс, со временем приобретая более четкие формы, в течение десятилетий оставался неизменным. Но как нам представляется, в обществе и политике дискурс о включении некоренных жителей Германии в единое с немцами общество окончательно созрел лишь к моменту написания Берлинской программы СДПГ (1989). На рубеже 1980–1990-х годов в качестве проводника мультикультурализма от консерваторов выступил политик из ХДС Хайнер Гайслер (Heiner Geißler). Он констатировал необратимость произошедших изменений в обществе и поднял вопрос о сценарии дальнейшего развития: «Вопрос стоит уже не в том, хотим ли мы жить вместе с иностранцами, а всего лишь – в том, как мы будем с ними жить. Мы должны настроиться на то, чтобы сосуществовать в будущем с миллионами человек, которые имеют другое происхождение, другое восприятие жизни, другие традиции и обычаи. Поэтому, мы не станем терять нашу национальную идентичность» [4, s. 14]. Высказывание Гайслера противоречило пониманию иммиграционной политики в блоке ХДС/ХСС [8, s. 56]. Оно ставило под сомнение и даже перечеркивало альтернативу значительного снижения числа иностранцев. Таким образом, Х. Гайслер попытался привить коллегам новое видение на неоспоримую действительность.

С чем же связана политическая инертность предыдущих десятилетий в этом вопросе? Почему проблема совместного проживания некоренных жителей и немцев не выносилась на широкое общественно-политическое обсуждение? По мнению некоторых аналитиков, запоздалая констатация необратимости миграционного процесса связана с увеличением числа проживающих в ФРГ иностранцев – с 4,5 млн в 1980 г. до 5,3 млн в 1990 г. и рождением второго поколения иммигрантов. В значительной

мере такая реакция также обусловлена тем, что немцев в предыдущие годы больше волновали такие проблемы, как строительство атомных электростанций и размещение в ФРГ американских ракет средней дальности с атомным боезарядом [9, s. 52]. Но в большей степени данное явление следует связывать с изначальной политикой немецкого государства в отношении иммиграции из стран третьего мира, с тем, что в течение 1950–1970-х годов власти Германии ориентировались на стратегию сегрегации мигрантов. То есть, гастарбайтеры были де-факто и де-юре отделены от культурно-политического сообщества принимающей страны, так как от них ожидали возвращения туда, откуда они приехали. Однако заложенный в договорах о привлечении трудовых ресурсов из других стран, принцип ротации рабочих не срабатывал, и трудовые мигранты стали укореняться в Германии со своими семьями. По некоторым данным, на конец XX в. иммигрантами являлись до 12,6 процентов населения ФРГ. В классической иммиграционной стране, какой являются США, этот показатель составлял всего 11,5 процентов [7, s. 6].

Одновременно с осознанием необходимости и неизбежности интеграции иммигрантов в общество, назрел вопрос о статусе ФРГ, как иммиграционной державы. Но в период с 1960-х гг. до конца столетия в немецком политическом и общественном дискурсе господствует концепция государства как института, основанного на принципе единой нации. В 1980-х гг. это нашло отражение в политике интеграции русскоязычных иммигрантов немецкой национальности. Эта политика была нацелена на скорейшее их включение в общество, как полноправных граждан. В начале 90-х годов иммиграционный приток в страну составлял до 1 млн. человек ежегодно, однако официальная статистика давала цифры в несколько сотен тысяч человек, поскольку этнические немцы не считались иммигрантами [3, p. 55–72].

Моноэтническое понимание нации, с позиции консерватизма можно объяснить следующим образом: для устойчивости по-

литической системы необходимо, чтобы общество в значительной степени отличалось культурной однородностью [11, с. 9–12]. Это означает, что государство должно проявлять осмотрительность, принимая представителей других культур, которые могли бы подорвать эту однородность. То есть, их доступ в это общество не должен поощряться. Кроме того, не следует поощрять тех, кто уже находится на территории страны, к интеграции в общество, поскольку не каждый из таких людей подходит для получения гражданства. Интеграцию представителей иных культур, не следует стимулировать, поскольку в результате государство утратит часть единообразия. Потому в целях сдерживания многообразия резидентам нельзя позволять с легкостью получить гражданство.

Вследствие этого, в отличие от классических стран второй половины XX в., проводящих политику мультикультурализма, таких как Канада, Австралия, Новая Зеландия, Великобритания, в Германии получила развитие особая, латентная его форма, в плане культурной интеграции меньшинств. Что же касается политической интеграции иммигрантов, то мы можем обозначить эту позицию термином «метекизм», который по классификации американского исследователя Чандрана Кукатаса подразумевает дружественное отношение общества к интеграции «чужаков» в свой состав, но невозможность полноправного их участия в политической жизни страны [1].

Христианский демократ Х. Гайсслер почти в одно время с выходом Берлинской программы социалистов дает следующую дефиницию мультикультурности: «Мультикультурное общество означает готовность к тому, чтобы сосуществовать с людьми из других стран и других культур, уважать их своеобразие. Вместе с тем исключается стремление к их онемечиванию или ассимиляции. С другой стороны, это подразумевает, если они того хотят, сохранять свою культурную идентичность, но одновременно требовать от них уважения к правам человека и основным ценностям Республики, а во-вторых владеть немецким языком» [4, с. 21].

Не выходя далеко за рамки этого определения, немецкий мультикультурализм второй половины XX в. проявлялся в подчеркивании «инаковости» иммигрантов и их потомков. Различные общественные и религиозные институты, ведущие межкультурный диалог, вольно или невольно способствовали выделению иммигрантов, как группы, не подлежащей ассимиляции либо как группы, нуждающейся в особом культурном и политическом признании.

Вклад государственных и финансируемых государством структур в обособление иммигрантов, которое предполагал мультикультурализм можно проиллюстрировать на примере, который приводит немецкий социолог Франц Олаф Радтке [10, с. 138–157]. Почти сразу после пересечения границы иммигранты, прибывавшие в ФРГ, попадали под опеку общественных (часто церковных) организаций. Попечение о мигрантах сопровождалось их сегрегацией по культурно-конфессиональному признаку.

Так, католическая «Caritas» брала под свое крыло выходцев из «католических» стран – хорватов, португальцев, испанцев, поляков. Евангельская «Diakonie» принимала на себя заботу о христианах не католических конфессий (в основном выходцев из Греции). Мигранты из исламских стран становились объектом попечительства со стороны таких организаций, как «Arbeiterwohlfahrt». Так возникали «культурные группы». Реальная самоидентификация индивидов не имела к их формированию никакого отношения. Оно – результат административного решения. Классификация мигрантов по «культурному» признаку далеко не всегда отражала реальную социальную и культурную самоидентификацию мигрантов: главы многодетных семей и одинокие холостяки, квалифицированные специалисты и разнорабочие, образованные и малограмотные, владеющие и не владеющие языком принимающей страны и т.д. То есть, данные организации скорее поддерживали исключение иммигрантов от общества, нежели способствовали их ассимиляции и интеграции. Ибо они фиксировали мигран-

тов в строго определенном статусе и делали изменение этого статуса нежелательным, а то и практически невозможным: мигранты могли рассчитывать на поддержку только до тех пор, пока считались членами той или иной «культурной группы», то есть пока находились внутри сообщества, границы которого заданы извне [2, с. 113–114].

Популяризации мультикультурности в 1990-е годы служили также регулярно проводимые в городах Германии «Парады культур», которые состояли из красочных шествий и представляли различные реально существующие и вымышленные культуры. Как мы видим, идеи мультикультурализма пропагандировались, не находя своего воплощения на политико-административном уровне.

Член президиума ХДС Гайсслер подчеркивал на рубеже десятилетий в своем определении, что нужно «требовать от них (иммигрантов) уважения к правам человека и основным ценностям Республики, а также владения немецким языком» [4, с. 21]. Другими словами, мультикультурность общества требовала единого связующего для всех его составляющих звена. Этим звеном в понимании многих политиков должны были стать уважение к конституции и немецкий язык. С этой идеей связана новая волна дискуссии в политике в отношении иммигрантов.

По мере понимания того, что иммиграция стала неотъемлемой частью настоящего и будущего Германии, и того, что отсутствие эффективной интеграционной политики ведет к обособлению иммигрантов и их потомков от немецкого общества, в общественном

и политическом дискурсе возникло понятие «немецкой ведущей культуры».

Впервые оно было введено в научно-политические дискуссии политологом Бассамом Тиби для описания ценностного консенсуса между культурами. Составными частями «европейской ведущей культуры», по его мнению, являются:

- превосходство разума над религиозным откровением,
- демократия, которая основана на разделении религии и политики,
- плюрализм и толерантность [13, с. 154].

В рамках дискуссии об интеграции иммигрантов в ФРГ Бассам Тиби призывал к развитию такой «ведущей культуры» в Германии. Он ставил культурный плюрализм с ориентацией на согласие в противовес мультикультурализму, предполагающему различную ценностную ориентацию и создание параллельных сообществ. Уже в 2000 г. понятие стало составной частью обширной общественной и политической дискуссии.

Таким образом, в германской политической дискуссии нашли место две противостоящие идеологии. Обе они исходили из констатации того, что Германия стала иммиграционной страной, новой родиной для миллионов людей разной национальности и вероисповедания. Немецкий мультикультурализм сложился как констатация этого факта. Он выражал интересы либералов и укрощался консерваторами. Проблемы интеграции меньшинств вызвали появление противоположных тенденций во внутренней политике страны.

Литература

1. Кукатас Ч. Теоретические основы мультикультурализма. // Институт Катона. [Электронный ресурс] URL: http://www.cato.ru/pubs.php?idcat=343&parent_id=2 (Дата обращения: 23.08.09).
2. Малахов В. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. – М., 2007.
3. Castles S. *Democracy and Multiculturalism in Western Europe* // *Citizenship and Identity in Europe*. – Gateshead, 1997.
4. Geißler H. *Multikulturelle Gesellschaft: Ja! // Miteinander, was sonst? Die multikulturelle Gesellschaft im Brennpunkt*. – Köln, Wien, 1990.
5. Geißler H. *Bürger, Nation, Republik – Europa und die multikulturelle Gesellschaft* // *Die multikulturelle Herausforderung. Menschen über Grenzen – Grenzen über Menschen*. / Hrsg. von Bade K. – München, 1996.

6. *Die Grünen. Das Bundesprogramm. 2. Auflage.* – Bonn-Köln, 1982.
7. *Deutsche Politiker haben das Migrationsproblem verschlafen* // Tagesspiegel. 12.08.2006.
8. *Hell M. Einwanderungsland Deutschland?: die Zuwanderungsdiskussion. 1998-2002.* Wiesbaden
9. *Lachmann G. Tödliche Toleranz. Die Muslime und unsere offene Gesellschaft.* – München, 2005.
10. *Radtke F.-O. Multikulturalismus – Regression in die Moderne? // Fluchtpunkt Europa: Migration und Multikultur. Fr. a. – M., 1998.*
11. *Sassen S. Guests and Aliens.* – N.Y., 1999.
12. *Solidarität zwischen Kulturen // Grundsatzprogramm der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Beschlossen vom Programm-Parteitag der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands am 20. Dezember 1989 in Berlin geändert auf dem Parteitag in Leipzig am 17.04.1998.*
13. *Tibi B. Europa ohne Identität? Die Krise der multikulturellen Gesellschaft.* – München, 2000.

УДК 82-94(470.6)

М. Е. Колесникова

ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ИСТОЧНИКИ В БИОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: «КАВКАЗСКИЕ ПИСЬМА» А. П. ЕРМОЛОВА

Статья посвящена возможностям источников личного происхождения, в частности эпистолярному наследию при проведении биографических исследований. Рассматриваются содержащие интересные наблюдения реалий северокавказской жизни XIX в. «Кавказские письма» А. П. Ермолова, чело-

века, с чьим именем связана целая эпоха на Кавказе.

Ключевые слова: биографические исследования, эпистолярные источники, Северный Кавказ, Кавказская война, А. П. Ермолов, М. С. Воронцов, история изучения Северного Кавказа.

M. E. Kolesnikova

EPISTOLARY SOURCES IN BIOGRAPHICAL RESEARCH: “CAUCASIAN LETTERS” BY A.P.ERMOLOV

The article deals with potentials of sources of personal origin, particularly, epistolary heritage for doing biographical research. The author studies “Caucasian Letters” by A.P.Ermolov – a person whose name symbolizes a particular era in the history of the Caucasus. The letters contain interesting observations

on life in the North Caucasus in the XIX-th century.

Key words: biographical research, epistolary sources, the North Caucasus, the Caucasian war, A.P.Ermolov, M.S.Vorontsov, the history of research of the North Caucasus.

В рамках микроистории все большее внимание исследователей привлекает направление «новой биографической истории», в котором наиболее четко обозначена ключевая методологическая проблема соотношения и совместимости микро- и макроанализа. Исследователи обращают внимание на проблемы самоидентификации личности, ее интересы и целеполагания, индивидуальный выбор и инициативу, позволяющие проследить развитие культурных традиций, обычаев и представлений,

определявших поведение людей в тех или иных исторических условиях.

Историческая биография, под которой понимают исследование и описание жизни исторических личностей, является популярным жанром исторических исследований. В подобных исследованиях через призму исторической личности показывается история во всех ее проявлениях, т. к. жизнеописание отдельного человека идет через раскрытие его частной и внутренней жизни. Как отмечает Л. П. Репина: